

А.Ф. Лосев

Знак. Символ. Миф.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
А11

А11 **А.Ф. Лосев**
Знак. Символ. Миф. / А.Ф. Лосев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 479 с.

ISBN 978-5-458-30974-5

ISBN 978-5-458-30974-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Язык как орудие общения в свете ленинской теории отражения¹

Вступительные замечания

Те два предмета, на которые указывает тема данной статьи, настолько ясны и просты сами по себе, что, казалось бы, нечего тратить и время на их разъяснение. Тем не менее различного рода бесчисленные абстрактно-метафизические предрассудки и неумение к простому предмету отнестись тоже просто заставляют здесь очень много думать и рассуждать.

Казалось бы, что может быть понятнее того, что язык есть орудие общения. Кому, зачем и для чего нужно разъяснять ту простую истину, что мы общаемся между собой при помощи языка и что язык, который не является орудием такого общения, вовсе не есть язык? Но вот, оказывается, в буржуазном языкознании, а иной раз даже и у нас вдруг ни с того ни с сего язык начинают рассматривать не как орудие людского общения, но как ту или иную совокупность математических обозначений. Само собой разумеется, что и те, кто признает язык орудием общения, придумывают какие-нибудь знаки, обозначающие такое общение, равно как и математики своими математическими обозначениями тоже способствуют человеческому общению и вовсе не хотят анулировать подобного рода общение. Рассуждая принципиально, лингвисты и математики должны здесь только подать друг другу руки и, размежевавшись в смысле типов человеческого общения, само-то общение оставить нетронутым и признавать его с начала до конца. И все же у многих лингвистов и математиков наблюдается какая-то несокрушимая потребность отождествить обе эти области в буквальном смысле слова и, в частности, стереть язык как орудие человеческого

¹ Статья была опубликована в кн.: «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1970, № 372, с. 208—224.

разумно-жизненного общения и превратить в систему знаков, которая запрещает понимать язык в качестве орудия общения. Поэтому первая часть нашей темы, а именно язык как орудие общения сразу превращается из разъяснения в тяжелое и с большим трудом доказуемое понятие. Приходится ворошить тончайшие логические аргументы, хотя предмет, казалось бы, не требует никаких аргументов.

С другой стороны, что может быть проще того, что вокруг нас существует объективный мир, что он воздействует на наше сознание и что наше представление о нем есть просто результат отражения его в нашем сознании? Что тут доказывать и что тут неясно? Но и здесь, оказывается, находятся философы, которые опровергают эту, казалось бы, простейшую истину и которые запрещают даже и заниматься этого рода проблемами отражения. За последнее столетие появилось необозримое множество философов, которые само понятие мира или бытия запрещали вводить в философию. Э. Гуссерль и неопозитивисты считают ненаучной такую философию, которая занимается проблемами объективного бытия или хотя бы мировоззрения. Оказывается, настоящая научная философия только с того момента и начинается, когда мы начисто исключим из нее все проблемы мировоззрения. Значит, приходится в этом случае пускаться в ход разного рода философскую аргументацию, о которой, казалось бы, неуместно было даже и заговаривать. Напор противников отражения реального мира в нашем сознании настолько велик, что Ленину пришлось затрачивать огромное количество времени на опровержение этих, как мы теперь сказали бы, психопатических бредней. И эту психопатию вовсе не так легко опровергнуть. В древности говорили, что один дурак может так далеко забросить маленький камешек в море, что его не сможет найти целая тысяча умных и ученых людей. Подобным образом и нам приходится ориентироваться в проблеме отражения. Простейший и яснейший предмет, оказывается, требует огромной и тончайшей аргументации.

Таким образом, обе половины предложенной нами темы вовсе не такая простая вещь. На них требуется затрата огромных умственных усилий. Эти усилия настолько велики, что их совершенно невозможно осуще-

ствить в одной небольшой статье. Однако пусть не очень обширная и пусть только предварительная проблематика этих вопросов все же может и должна быть затрагиваема в небольшой статье!

Разумеется, более или менее полное и четкое решение поставленной задачи возможно только в результате такого же полного и четкого анализа ленинской теории отражения. Однако поскольку сделать это значило бы написать не одну, а несколько больших книг, мы ограничимся здесь только указанием на учение Ленина *о переходе от живого созерцания к абстрактному мышлению и от этого последнего к практике*, применяя это учение к пониманию сущности языковой деятельности.

«От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания... объективной реальности»². Чтобы понять эту теорию Ленина правильно, надо правильно понимать его теорию абстракции и теорию практики, так как без этого язык как орудие общения останется у нас совершенно неразъясненным.

Ленин пишет: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное...* — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом, *все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции* отражают природу глубже, вернее, *полнее*»³. Точно так же и практику Ленин вовсе не понимает элементарно или упрощенно, не понимает ее бытовым образом или обывательски. «Истина, — пишет Ленин, — есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через «практику» (и технику)*»⁴. «**Практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»⁵. «Необходимо *соединение познания и практики*»⁶. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

³ Там же, с. 152.

⁴ Там же, с. 183.

⁵ Там же, с. 195.

⁶ Там же, с. 198.

или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=объективно истинной)»⁷.

Известно, что слово нечто обозначает и, следовательно, является знаком. Тем не менее многочисленные уродливые учения в области лингвистики или начисто забывают этот простой факт, или понимают его чересчур обывательски. С точки зрения Ленина, всякое слово, являясь орудием разумно-жизненного общения, основывается на живом созерцании, но вовсе не сводится только на одни физико-физиологические-психологические факты. Живое человеческое слово, с точки зрения Ленина, обязательно есть, кроме того, еще и абстракция, именно та живая и жизненная абстракция, о которой мы сейчас говорили. Это видно из того, что, по Ленину, «всякое слово (речь) уже *обобщает*» и что, если «чувства показывают реальность», то «мысль и слово — *общее*»⁸.

Итак, согласно учению Ленина, в языке мы прежде всего идем от живого созерцания к абстракции, от ощущения чувственных реальностей к абстрактному мышлению. Но и абстрактное мышление Ленин признает не как само по себе существующее. Живая мысль, по Ленину, воплощается в действительности, проверяется ею и становится ее подлинным фактором. А это значит, что и слово для того, чтобы быть живым, а не мертвым, должно вернуться из своей родовой общности к самой обыкновенной конкретной единичности, но вернуться так, чтобы уже не быть слепым и случайным моментом жизни, а стать живым, сознательным и целесообразным орудием ее реального строительства.

С позиций ленинского учения об отражении, всякая попытка свести язык на математическое мышление и уже тем более на систему бессмысловых математических обозначений является бессильным стремлением опровергнуть ленинскую теорию отражения. В дальнейшем нам и хотелось бы характеризовать язык не как систему математических обозначений, но как *то живое созерцание, которое при помощи абстрагирующего мыш-*

⁷ Там же, с. 199.

⁸ Там же, с. 246.

ления превращается в созидательную практику общающихся между собой человеческих индивидуумов. В языкознании часто употребляются такие слова, как коммуникация, система, интонация и экспрессия. Термины эти хороши для применения ленинской теории отражения в области языкознания. Однако их необходимо очистить от всякого формализма и рассматривать в свете ленинской тройной характеристики мышления и познания — живое созерцание, абстрактное мышление и практика.

Другими словами, ленинская теория отражения не есть теория мертвого и механического отражения вещей в сознании, подобно такому же отражению этих вещей, например, в зеркале. Если учесть всю ленинскую теорию отражения, а также то развитое учение о слове, которое он дал в своих многочисленных рассуждениях об агитации и пропаганде, то необходимо сказать, что ленинская теория отражения не только не кончается теоретическими абстракциями вещей, но, наоборот, есть фактор активного взаимодействия и взаимопонимания людей в процессе фактического строительства ими жизни. Поскольку попытки трактовать язык в качестве вычислительной машины являются активным наступлением на марксистско-ленинское учение о языке, нам поневоле приходится прежде всего бороться с отвлеченным математизмом в языкознании и, только отдав себе полный отчет в негодности такого отвлеченного математизма, говорить об языке как о живом факторе строительства человеческой жизни.

Проблема коммуникации

Из предыдущего необходимо заключить, что для характеристики языка важнее всего термин «коммуникация». Однако его формулировка составляет большие трудности потому, что слишком глубоко засел в сознании языковедов принцип одноплановости и, так сказать, нерельефности языка, при наличии чего язык оказывается мертвой схемой, не имеющей никакого отношения к активному строительству жизни. Этот отвлеченный схематизм в первую же очередь требует изъятия при решении вопроса о сущности языка.

1. **Знак.** В статье «О нецелесообразности математических обозначений в лингвистике для лингвистов» мы уже коснулись специфики языкового знака, когда говорили о его *качественном характере, его неоднородности и многоплановости*. Однако чисто знаковая специфика языка, если эту знаковость понимать коммуникативно и строительно-жизненно, этим только подготовлялась, но отнюдь не формулировалась. Языковая специфика возникает только на почве учения о разумно-жизненном знаке. Самое существенное здесь то, что язык не просто обладает двуплановым характером, но то, что один план является здесь *знаком* другого плана, служит для его обозначения, так что в языке есть и означающие и означаемые и то значение, благодаря которому существуют эти два значащих плана. С этой точки зрения нам и предстоит формулировать специфику языкового знака в ее отличии от специфики математического знака.

2. **Математическое обозначение механически следует за обозначаемым количеством и от себя ровно ничего не привносит в значение и в обозначаемое.** Обозначаемым здесь является количество или количественные отношения. Те операции, которые мы производим над количествами, механически записываются при помощи определенного рода знаков, и их роль в конструировании количественных отношений — нулевая. Если мы складываем 2 и 3 и получаем число 5, то совершаемая нами умственная операция ни в какой степени не зависит от тех знаков, которыми мы ее обозначаем. Сейчас мы употребили арабские цифры. Но с таким же успехом можно было бы употребить и римские цифры. С таким же успехом можно было бы употребить и буквенные обозначения, как это делали, например, древние греки, условно обозначая числа теми или другими буквами своего алфавита. Наша алгебра вообще основана на буквенных обозначениях. Вместо букв можно было бы придумать какие-нибудь иероглифы или любое начертание. Устное произношение и называние этих количественных операций тоже не имеют никакого значения для самих операций. В разных языках числа и операции над ними называются по-разному, что для самих количественных отношений и для операций над ними не имеет ровно никакого значения. Как бы мы ни на-

зывали числа 2, 3 и 5 и как бы мы ни обозначали операцию сложения чисел, все равно везде и всегда 2, сложенное с 3, даст именно 5 и больше ничего другого.

В сравнении с этим языковое обозначение только в самых редких случаях никак не влияет на обозначаемое. Может быть, только тончайшая математическая или вообще научная терминология действительно механически следует за обозначаемым; и в ней нет ровно ничего такого, чего не было бы уже в самом обозначаемом предмете. Но математический и точный научный язык является слишком узкой областью в сравнении с безбрежным морем языковых обозначений и ни в коей мере не может претендовать на абсолютизацию и на исключение всех прочих бесчисленных способов языкового обозначения.

3. Языковое обозначение является активным фактором в процессе формирования или, лучше сказать, переформирования того, что им обозначается, а следовательно, и самого значения. Когда язык что-нибудь обозначает, его не интересует обозначаемый предмет во всей бесконечности свойств, действий и проявлений. Прежде всего слово может обозначать такой предмет, который вовсе не существует. Поэтическая, мифологическая, научная и всякая другая фантастика наполнена именно такими обозначениями, которым объективно ровно ничего не соответствует, или уже не соответствует, или пока еще не соответствует. (Словесно можно обозначить любую глупость, и это будет самым настоящим словесным обозначением. Мы можем сказать *круглый квадрат* или *деревянное железо*. Этим мы, несомненно, нечто обозначаем, хотя обозначаемое в данном случае не существует. Здесь языковое обозначение проявило большую и активную силу, дошедшую до того, что созданся какой-то несуществующий предмет. Отрицать активность языкового знака в данном случае было бы нелепо.

Самое же главное здесь — это то, что и при условии реального существования обозначаемого предмета язык все равно проявляет огромную активность и языковое обозначение часто привносит с собой нечто небывалое. Пусть обозначаемый предмет действительно существует сам по себе, независимо от наших языковых обозначений, и даже вообще от нашего сознания или

мышления. Все равно, назвав такой предмет и оперируя таким названием в общении с другими людьми, мы обязательно выбираем какой-нибудь один элемент или свойство этого предмета, или пусть даже несколько таких свойств с отстранением на второй план прочих бесчисленных свойств данного предмета. В ином случае, возможно, мы своим обозначением захватим и что-нибудь другое из этих других свойств, но во всяком отдельном случае языковое обозначение всегда выбирает что-нибудь одно и определенное или несколько свойств и тоже вполне определенных. Это особенно видно на тех словах, где еще не затемнился исходный корень слова и где этимология открыто указывает на специфический подход языка к данному предмету. То, что немецкое слово *Mensch* этимологически связано, например, с латинским *mens*, английским *man* или русским *па-мять* (где *па* — непродуктивная частица, указывающая на сниженную интенсивность предмета, обозначенного корнем слова; ср. *па-водок* или *па-сынок*; а звук *я* из старого носового *a*, обозначаемого в старославянском при помощи юса малого), это обстоятельство не может не подчеркивать в данном слове интеллектуального значения, так что общее понятие человека в указанных выше словах, несомненно, сужено до выдвигания на первый план человека как интеллектуального существа. Словесное обозначение в данном случае проявило огромную семантическую активность, перестроило в известном направлении данное родовое понятие и заставило подойти к объективно существующему предмету только с одной, но вполне определенной и остро дифференцированной стороны. Подобная активная семантическая направленность языкового знака совершенно исключена в математическом обозначении, которое лишь пассивно следует за процессами мысли, не зависящими ни от каких обозначений. Что же в таком случае мы получаем из обозначения «человека» при помощи каких-нибудь цифр или каких-нибудь количественных операций? Ничего. В то время как математик употребляет свои цифры или буквы для механического обозначения и механической записи того, что происходит в его мысли или в объективной действительности, получившей свое адекватное отражение в его мыслях, языковое обозначение, и устное и письменное, основано

на определенного рода подходах к обозначаемой действительности, на извлечении из нее всегда чего-то частичного, заведомо неадекватного, на том или ином понимании или на той или иной интерпретации обозначаемой действительности.

Как мы увидим ниже, языковое обозначение исходит не просто из отражения действительности в человеческом сознании или мышлении (этим занимается математика, логика и вообще всякая наука в меру своего развития в данный момент истории), но из чего-то гораздо более сложного и важного, чем отражение, а именно из активного вмешательства в действительность, из активного выбора из нее того, что нужно человеку для общения с другим человеком на том или ином отрезке времени, большом или малом, т. е., иначе говоря, из *коммуникативного использования* действительности и, следовательно, из того или иного ее *переделывания* или *преподнесения*. Математическое обозначение в данном случае имеет, попросту говоря, нулевое значение и в языковых выражениях мы пользуемся им минимально.

Не нужно доводить до абсурда наше учение о физико-математической коммуникации, которую мы приравняли нулю только в сравнении с общезыковой коммуникацией. Взятая же сама по себе она тоже является коммуникацией определенного типа, а именно количественного. Но специально развивать учение о математической коммуникации мы не будем, так как для необходимой здесь логической точности потребовалось бы слишком много времени и отвлекло бы нас от непосредственной задачи, т. е. от характеристики языка.

4. Учение Гумбольдта — Сепира — Уорфа. Прежде чем говорить о коммуникации в существенном смысле слова, мы хотели бы обратить внимание читателя на те три имени, которые мы сейчас назвали. Каждый из этих лингвистов является не меньше философом, чем лингвистом, что затрудняет и критику и использование учения этих философов языка для рядового лингвиста. Приходится считаться с глубоко идеалистическими основами этой философии языка; но идеализм данного типа часто скользит на едва уловимой границе между идеализмом и материализмом, понимание чего требует от лингвиста такой школы ума, которой он вовсе не обязан владеть

в высокой мере. Уорф, например, рассуждает так, как будто бы никакой реальной действительности вообще не существовало и как будто не существовало даже и человеческого сознания и мышления. Этих авторов легко понять так, что единственным абсолютом у них является только человеческий язык, а все остальное лишь относительно и не заслуживает никакого признания. Изучение их трудов говорит совсем о другом. Но мы не будем входить в анализ данной философии языка, а выдвинем только один тезис, который, с нашей точки зрения, должен быть безусловно принят.

Тезис этот заключается в том, что объективная действительность, существующая вне и независимо от человеческого сознания, не может быть охвачена этим последним сразу и раз навсегда, что она охватывается только постепенно и что показателем этого охвата является именно язык. Точно так же и человеческое сознание и мышление, в пределе должны охватить всю бесконечность действительности целиком, на самом деле охватывают ее только строго, постепенно и в самой серьезной зависимости от исторических условий. Причем показателем степени охвата реальной действительности человеческим мышлением опять-таки является язык. Следовательно, как бы и что бы мы ни говорили о действительности мышления и языка, язык всегда есть посредник между действительностью и мышлением; он, конечно, не может не налагать свой отпечаток на то и другое, хотя фактически вовсе не он их порождает, а они его. Эта текучая двуплановость языка может быть нами изучена очень глубоко в условиях использования теорий Гумбольдта — Сепира — Уорфа, на что мы бегло и обращаем внимание читателя. Самостоятельный же анализ этих теорий не входит в нашу задачу⁹.

5. Коммуникативный акт. У нас очень много говорят об означающем, означаемом и значении. В отношении языка это разделение совершенно правильно, и

⁹ С теорией Б. Уорфа можно познакомиться по его трудам, переведенным на русский язык: «Отношение норм поведения и мышления к языку», «Наука и языкознание», «Лингвистика и логика» (Новое в лингвистике, № 1. М., 1960, с. 135—182), а также по статьям В. А. Звегинцева и М. Блэка (Новое в лингвистике, № 1, с. 111—135, 199—214).